

Глава 2. Индекс лисьего счастья стремительно падает

Ху Цяньцю судорожно глотнул воздух и зашелся в лающем кашле. В голове гудело, перед глазами всё плыло, а обступившая его толпа, брезгливо зажимая носы, поспешно попятилась.

Он осторожно коснулся затылка — боль была невыносимой. Похоже, тот проклятый небесный мастер решил сначала прибить его, а потом еще и добавить для верности. Только чудом Ху Цяньцю остался в живых. Он хотел было сполоснуть лицо в реке, но, увидев в воде свое отражение — лохматое и грязное, словно у утопленника, — замер. Юноша откинул спутавшиеся, как сухая трава, волосы и уставился на незнакомое лицо.

В отражении он увидел огромные глаза с поволокой и тяжелыми веками, густые, но аккуратные брови и прямой точеный носик. Из-за истощения лицо стало совсем крошечным, размером с ладонь. Ху Цяньцю невольно цокнул языком: такая красота — ни дать ни взять девица, да еще и донельзя жалостливая.

— Бедный молодой господин Сун, — послышалось из толпы. — Совсем юный, а уже круглый сирота. Теперь вот в нищего бродягу превратился, упаси небо!

— И не говори! Все Суны были людьми добрейшей души, да только сгубила их нечисть.

— Помнится, я и сам не раз принимал благодеяния от этой семьи. Нужно бы помочь господину Суну, раз уж он попал в беду.

Разговоры не утихали. Однако стоило кому-то заикнуться о том, чтобы накормить беднягу, как люди тут же начали расходиться. Остался лишь один книжник, который молча наблюдал за ним издалека.

Ху Цяньцю снова и снова ощупывал свое лицо. Кажется, это тело было не его.

Он привычным жестом попытался сотворить заклинание, намереваясь поднять на Лазоревом озере огромную волну. Одно и то же движение он повторил раз десять, но тщетно. В конце концов, сидевшая на камне лягушка, которой, видимо, надоел этот шум, с громким «плюх» нырнула в воду. По воде разошлись круги, и наглая тварь неспешно уплыла прочь.

Ху Цяньцю едва не бросился вслед за ней, чтобы проучить нахалку. Когда-то он был королем гор, грозой лесов! Любой мелкий бес при встрече должен был почтительно кланяться и величать его «Дедушкой Лисом», а теперь его презирает какая-то лягушка.

Воистину, общипанный феникс хуже курицы.

Книжник подбежал к нему и удержал, принявшись уговаривать:

— Молодой господин Сун, не делайте глупостей! Вы — единственный корень, оставшийся от семьи Сун!

Ху Цяньцю понуро опустил на берег. Наконец-то до него дошло: его прекрасная лисья жизнь оборвалась. Роскошная шкурка пропала, облик статного юноши канул в небытие, путь к бессмертию отрезан... Есть ли на свете что-то более печальное, чем столь сокрушительное падение?

Чем дальше он думал об этом, тем горше ему становилось. Схватив незнакомца за широкий рукав, Ху Цяньцю разрыдался, не стесняясь вытирать нос прямо о чужую одежду. Хозяин рукава с нескрываемым отвращением покосился на пятна, но всё же сочувственно похлопал юношу по спине. Видимо, решил, что трагедия семьи Сун окончательно подкосила разум бедняги.

— Молодой господин Сун, примите мои соболезнования. Пока человек жив, надежда остается.

Книжник говорил витиевато и вежливо. Его одежда, хоть и чистая, была застирана до дыр. Его звали Би Цзыхуа. Когда-то, в благодарность за доброту Благодетеля Суна, он устроился в поместье мелким помощником: писал письма, рассылал приглашения и жил на скромное жалованье.

Ху Цяньцю выплакался всласть и внезапно ощутил прилив боевого задора. Когда он поймает ту пакостную ласку, что навела смуту, то непременно зажарит её в масле и съест по кусочку. Несправедливость, из-за которой на него, порядочного лиса, повесили чужие грехи, жгла изнутри.

Он откинул спутанную гриву назад и небрежно перевязал её лентой.

— Ты сказал, моих родителей убила нечисть?

Би Цзыхуа помрачнел и с удивлением воззрелся на юношу. Он слышал, что от сильного потрясения люди порой теряют память, и начал рассказывать о бесчинствах демона.

— Несколько дней назад эта тварь объявилась снова. Сожрала жителей деревень под Фуанем... Никто не знает, почему демон внезапно ворвался в город и выбрал именно вашу семью...

Книжник в ту ночь не ночевал в поместье, а молодой господин Сун перебрал с вином и остался у друзей — это и спасло их обоих. В город прибыло множество мастеров из Школы Летящих Бессмертных, но даже они не смогли совладать с чудовищем. В пылу битвы поместье Сун сравняли с землей. Зарево пожара освещало полнеба, и никто не смел выйти, чтобы потушить огонь. Пламя утихло лишь к рассвету.

Ху Цяньцю скрестил руки на груди, в его голосе прозвучало неприкрытое презрение:

— Слыхал я, что главный ученик этой школы — великий воин. Неужто и он не сдюжил?

— Соседи поговаривают, будто той ночью самые смельчаки подглядывали в окна, но прославленного мастера среди сражавшихся не видели.

Ху Цяньцю предположил, что всё это случилось уже после его «смерти». Бай Чжигэ ведь такой из себя могучий, верно? И выслеживал его, и молнии призывал, чтобы испепелить... А на поверку — бумажный тигр. Мастер только на беззащитных лисиц охотился, а перед настоящей угрозой спасовал. Эту обиду Ху Цяньцю запомнил крепко.

— Сброд бездельников.

Би Цзыхуа горячо возразил:

— Школа Летящих Бессмертных стоит на страже мира! Сколько учеников погибло, защищая людей от демонов... Говорят, в этот раз потери были особенно тяжелыми.

Ху Цяньцю лишь вскинул бровь. Желудок предательски заурчал, и горечь в душе смешалась с вполне земным голодом.

Люди помнят только этих праведников, но ведь и он, Ху Цяньцю, приложил немало сил ради спокойствия земель. Когда-то он потратил полгода, чтобы истребить стаю демонических бабочек, терзавшую страну, а в итоге лавры достались Школе Летящих Бессмертных, чьи ученики лишь прикончили вожака в самом конце. Тогда он не стал мелочиться и спорить о славе.

Теперь же он думал: если в этой жизни не суждено стать небожителем, что ж, он станет демоном.

Ху Цяньцю небрежно поковырял в ухе, давая понять, что разговоры ему наскучили.

— Я голоден. Хочу курицу.

Би Цзыхуа, вздохнув, повел его к своей хижине. Проходя мимо лавки, он, скрепя сердце, купил жареную птицу. Этих денег ему хватило бы на полмесяца скромной жизни, но ради сына своего благодетеля он решил сделать исключение.

Еще не дойдя до дома, Ху Цяньцю принялся обглаживать кости, бросая их прямо на дорогу. Книжнику в итоге досталась лишь одна ножка.

Заявившись в лачугу Би Цзыхуа, бывший лис по-хозяйски, словно заправский разбойник, занял единственную кровать. Сбросив туфли и ковыряя в зубах щепкой, он осведомился:

— Как тебя звать?

— Фамилия Би, имя Цзыхуа, второе имя Яньшу.

Ху Цяньцю ткнул пальцем в себя:

— А я кто?

— Сун Мин.

Сун Мин? «Идущий на смерть»?

Ху Цяньцю мысленно прикинул судьбу по звездам. Этому Сун Мину на роду было написано сгинуть в воде. С таким-то именем неудивительно, что он утонул.

Размышления прервала резкая боль: едва голова коснулась подушки, затылок прострелило. Кому же этот парень так насолил? Мало того, что на семью натравили демона, так и самого юношу, судя по всему, оглушили и бросили в реку помирать.

Он резко сел, задернул занавески на кровати и улегся на бок, строго наказав Би Цзыхуа вести себя тихо и не сметь тревожить его сны.

Книжник печально пересчитывал оставшиеся в кошеле медяки. Молодой господин Сун после пробуждения стал совсем другим человеком. Раньше он был кротким и вежливым, а теперь превратился в капризного наглеца. Прокормить двоих на такие крохи будет непросто.

***

Школа Летящих Бессмертных, окутанная облаками, возвышалась на вершине пика. Искатели долголетия, мечтавшие попасть сюда, должны были семь дней и ночей подниматься по каменным ступеням, и многих разворачивали прямо у порога из-за недостатка таланта.

Ныне в обители царило уныние. Ученики шепотом обсуждали судьбу главного преемника. Поговаривали, что Янь Фу от горя забросил все дела и даже не желает слышать о бесчинствах нечисти у подножия гор.

Четвертый боевой дядя Лю Юнь в который раз проверял пульс Бай Чжигэ и лишь сокрушенно качал головой. У него самого скоро волосы поседеют от тревоги: парень выглядит здоровым, дыхание ровное, пульс сильный — а в сознание не приходит.

Собрав лекарства в ящик, Лю Юнь прямо спросил:

— Глава, Чжигэ привели вы. Вы должны знать, что произошло. Если не скажете правды, я не смогу подобрать лечение.

Янь Фу в сердцах взмахнул рукавом и замер у кровати, заложив руки за спину.

— Я лишь велел ему убить тысячелетнего лиса! Тот издох, а Чжигэ рухнул в конвульсиях. Остальное ты видел сам — он спит мертвым сном.

— Тысячелетний лис?

Все присутствующие задумались. Бай Чжигэ был редчайшим гением, рождающимся раз в тысячелетие. Несмотря на молодость, он стяжал великую славу, истребив сотни демонов. Убийство лиса должно было стать очередным подвигом на пути к вознесению, а не причиной комы.

— Здесь кроется какая-то тайна. Вернусь в лекарню, пороюсь в древних свитках, — Лю Юнь поставил ящик на колени и покатил свою коляску к выходу.

Беда не приходит одна. В комнату, едва не кубарем, влетел молодой ученик и рухнул к ногам главы:

— Глава, беда! В городе Цзюньлин снова гибнут люди! Это опять тот великий демон!

Янь Фу потемнел лицом. Нечисть совсем распоясалась, никакой управы на нее нет.

— Пусть Лю Юнь присматривает за Чжигэ, а я отправлюсь туда сам! Не верю, что не смогу приструнить эту тварь!

Во главе отряда учеников он стремительно покинул школу. Когда они достигли Цзюньлина, небо уже затянуло сумерками и проглянули первые звезды.

***

Ху Цяньцю, сладко зевнув, выбрался из-под одеяла. Сон выдался на диво покойным: ни ненавистных небесных мастеров, ни погони за демонами. Стоило ему выйти за порог, как он зашелся в череду чихов. Осень вступала в свои права, и брненное человеческое тело оказалось слишком чувствительным к холоду.

Добродетельный Би Цзыхуа высунулся из кухни, размахивая железным черпаком:

— Молодой господин Сун, ужин скоро будет готов! Потерпите еще немного!

Ху Цяньцю, чувствуя себя как дома, перерыл весь шкаф книжника, пока не нашел светло-зеленое ханьфу с вышитым бамбуком. Наряд был великоват, но он лишь критично осмотрел себя в зеркале: нужно лучше питаться, чтобы подрасти. Вспомнив свой прежний, ослепительно прекрасный лисий облик, он снова захлюпал носом.

Глядя на свое отражение — заплаканное и жалобное, — он прикрикнул на себя:

— А ну не реветь! Ты был великим лисом, потрясавшим небеса, а теперь только и делаешь, что сырость разводишь! — Он утер слезы и замер в сомнении. — Может, этот Сун Мин сам по себе был тем еще плаксой?

Би Цзыхуа вошел в комнату и остолбенел: молодой господин нацепил его праздничное одеяние, которое книжник берег только для торжественных случаев. Беспардонность гостя задела его за живое, но Би Цзыхуа лишь стиснул зубы.

«Я — благородный муж, я выше этого, я должен терпеть...» — заклинал он себя.

— Что ты там бормочешь? — проворчал Ху Цяньцю. — Я сейчас с голоду помру.

На столе стояли две плошки с жиденькой рисовой жижей, которую Би Цзыхуа гордо именовал кашей, и блюдце с вареной травой — «яшмовой зеленью». Лицо Ху Цяньцю вытянулось.

— И этим ты собрался меня кормить?

Он не ждал заморских деликатесов, но хотя бы запеченная курица на столе быть обязана!

Би Цзыхуа разжал кулаки:

— В мошне пусто... Та курица, что ты съел в обед, стоила нам недельного пропитания.

— Послушай, сходи-ка и купи еще одну. Даю слово, скоро мы с тобой будем купаться в золоте и есть на серебре.

Книжник тяжело вздохнул. Сын благодетеля просит — долг велит исполнить. Сгущались сумерки, и он отправился к соседке, Сунь Данянь, за старой наседкой. Но когда он, не решаясь занести нож, забормотал слова извинения, курица внезапно отчаянно захлопала крыльями и рванулась на волю.

— Я и сам не хочу тебя убивать, но господину Суну нужно подкрепиться! Помоги же мне! — причитал Би Цзыхуа, пытаясь поймать птицу, которая в ужасе металась по двору.

Ху Цяньцю, заставивший себя выпить пару глотков «каши», вышел на крыльцо и лениво наблюдал за этой погоней. Внезапно он замер, прищурился и быстро сложил пальцы в гадательном жесте.

— Эй, книжник! Бросай ты эту курицу! Беги, если жизнь дорога!

— Что?.. — Би Цзыхуа непонимающе обернулся.

<http://bllate.org/book/17498/1708245>